

18+

НОЛЛЕТОВ

ПАЛАТА №8

Владимир Ноллетов

Палата №8

«Издательские решения»

Ноллетов В.

Палата №8 / В. Ноллетов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851656-6

Главный герой за антисоветскую статью попадает в советскую психиатрическую больницу для заключенных. Он совершенно здоров и пытается это доказать. Но окружающая обстановка действует на него — человека впечатлительного, тонко организованного — губительно. Он и в самом деле сходит с ума.

ISBN 978-5-44-851656-6

© Ноллетов В.
© Издательские решения

Палата №8

Владимир Ноллетов

© Владимир Ноллетов, 2024

ISBN 978-5-4485-1656-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Он появился за две недели до убийства.

Лена хорошо запомнила то утро. Она шла по аккуратно посыпанной песком дорожке мимо фонтанов и роскошных клумб и вдыхала густой аромат цветов и цветущих акаций. Белые акации, грецкие орехи, голубые ели росли повсюду. «Райский сад!» – как всегда подумала она. Лишь видневшиеся в просветах между деревьями вышки, забор с колючей проволокой и больничные корпуса напоминали, что это психбольница закрытого типа.

Как обычно, с букетом ее любимых розовых роз в руке и широкой улыбкой на лице Лену встретил Дармен – приземистый плосколицый казах. Он исполнял обязанности садовника. Ему одному из отделения разрешалось свободно ходить по территории.

Лене нравилась его улыбка. Когда она в прошлом году шла по этой дорожке на свое первое дежурство, у нее сердце колотилось от волнения. Дармен ей тогда ободряюще улыбнулся, и Лене стало легче на душе. Дармен был осужден за двойное убийство: одним единственным ударом куска арматуры он пронзил жену и ее любовника.

Год назад она и подруга Ксюша, молодые медсестры, в поисках работы приехали на молочную ферму. Впечатление она произвела на них удручающее. Повсюду были запущенность и грязь.

– Место-то только одно освобождается, – сказала фельдшер. – Это я на пенсию уйду. Да и что вам на этой ферме делать? Здесь только пьют да дерутся, дерутся да пьют. А больше тут заняться и не чем. Поезжайте-ка вы, девчата, лучше в психушку. Для экзот. Там медсестры всегда требуются. У них и зарплата выше, и порядку больше. Пятнадцать минут езды на автобусе, потом своим ходом столько же. По тропинке через поле. Вам объяснят.

Тропинку они не нашли. Шли по жнивью. Пшеницу только что убрали. Стерня колола ноги, солнце нещадно пекло. Кожа Ксюши, очень белая, покрылась красными пятнами. Они измучились, пока дошли до больницы.

Директор оказался молодым еще человеком, подвижным и энергичным. Встретил он их приветливо, на работу принял без колебаний.

– День дежурите, потом ночь дежурите – двое суток отдыхаете. Вот только отдельной комнаты для вас у меня нет. – Он с любопытством поглядывал на пятнистую Ксюшу. – Могу предложить койки в одной комнате с офицерами. Но, думаю, вас такой вариант не устроит. Лучше всего, снимите жилье в деревне. Она недалеко.

Они так и сделали, поселились у одной старушки.

Ее первое дежурство выпало на ночь. Лена была в тревожном напряжении все двенадцать часов. Один раз она по-настоящему испугалась. После ужина она вместе с больными смотрела в столовой телевизор. Устраиваясь на стуле поудобнее, она повернула голову и вздрогнула. В окно заглядывал человек. Видна была только верхняя часть лица. Глаза, жесткие, неприятно цепкие, смотрели прямо на нее. В тот же миг голова исчезла.

– Там кто-то прячется! – воскликнула она.

Больные поспешили ее успокоить:

– Это дубак подслушивает-подглядывает... Опер то есть... Служба у них уж такая...

Со временем Лена привыкла к этой работе. Больные, похоже, относились к ней с уважением. Но Лену утомляла навязанная ими борьбы за свои интересы. Они словно испытывали ее: не уступит ли она здесь, не даст ли промаха там. С их стороны это была борьба без враждебности, тихая, незаметная, однако постоянная и неустанная.

Она вошла в белое трехэтажное здание. Туберкулезное отделение, где она работала, располагалось на первом этаже. И здесь радовали глаз ухоженность и чистота. Стены коридора украшала мозаика из цветного стекла.

Больной Лялич домывал коридор. Он приветливо поздоровался.

– Вечером новый прибыл, Елена Потаповна, – сообщил он. – Придурок точно!

Лена улыбнулась.

– А вы все, значит, нормальные?

– Сами увидите.

Лена знала, что каждый из них в глубине души не верит, что он болен. Они и друг друга считали нормальными. Даже Двоеглазова. Он был летчиком. Самолет, которым он управлял, разбился. Он успел катапультироваться. Его сочли виновным, осудили, но признали душевнобольным. Он постоянно болтал несусветную чушь. Однако ходили слухи, что он симулирует помешательство, а сюда его устроили высокопоставленные покровители. Лена этому верила. Говорил он глупости, но поступал совсем не глупо, всегда с пользой для себя. Лишь в здравом уме Обутова, преподавателя института с двумя высшими образованиями, больные сомневались, и то по одной причине: им приходили посылки с едой и одеждой, а ему – только с книгами. Впрочем, Обутова уважали как эрудита и интересного рассказчика.

Она пошла в ординаторскую, на пятиминутку. Врачи, старшая медсестра и Ксюша уже были здесь, ждали заведующего отделением Клыканова.

– Все нормально? – спросила она вполголоса у Ксюши.

– Да в общем да. Старый только что-то раскашлялся. – Так Ксюша, вслед за больными, называла Войцеховского. В отделении лежали лишь два старика – он и Пал Палыч. Больные туберкулезом до старости доживали редко. Были здесь в основном молодые, до сорока лет. – А! Вчера одного новенького привезли. В восьмую положили. Ты за ним присмотри. Станный он какой-то.

– Да тут все странные.

– Он – страннее. Все хотят здесь подольше задержаться, никто же на зону не рвется, а он убеждает, что полностью здоров. А сам носится по коридору взад-вперед. А глаза! Горят, как у маньяка... Называет себя творческой личностью...

Размеренными шагами в ординаторскую вошел молодой подтянутый мужчина интеллигентного вида. Его гладкое лицо с правильными чертами было серьезно. Это был Клыканов. Он заговорил четко и размеренно:

– Вчера один побег совершил. Из мастерской. На грузовике. Спрятался в кузове, под опилками. Из пятого корпуса пациент. Так что повторяю: бдительность и строгость прежде всего! Добренькими, – он посмотрел на врача Самарина, – нам быть нельзя. – Заведующий отделением поправил очки. – Вечером новый пациент поступил, Стасов. Не нравится мне его состояние. Обратите на него внимание.

Закончилась пятиминутка быстро. Лена и Ксюша пошли по палатам. Это входило в процедуру сдачи-приема дежурства. Лену уже разбирало любопытство. Первой на их пути была как раз восьмая палата, самая большая в отделении, на семь человек, и поэтому самая не престижная. Были палаты и на четыре человека; туда все хотели попасть. Когда они вошли, Лялич как всегда истово вытянулся по стойке смирно. То ли это была лагерная привычка, то ли шутство. Продолжал лежать Войцеховский. Днем лежать не полагалось, но для него делали исклю-

чение. Лена сразу отыскивала глазами вновь поступившего. Он сидел, ссутулившись, на койке рядом с дверью и что-то быстро записывал в общую тетрадь. Был он молод. Среднего роста. Лицо худое, нервное, с тонкими, но неправильными чертами.

Лена поздоровалась. Махнула с улыбкой на Лялича рукой.

– Вольно.

Новенький внезапно вскочил, шагнул к Лене и, энергично жестикулируя, заговорил стремительно и горячо:

– Я психически совершенно здоров! – Взгляд больших темно-карих глаз был не горячий, но взволнованный и напряженный. Напряженность ощущалась во всем его облике. – Это недоразумение, что я...

– Ладно, ладно, – остановила его Ксюша. – Это мы уже знаем.

– Здесь только дурак может доказывать, что он не дурак, – заметил Лялич. Кто-то хихикнул, кто-то хохотнул. Они вышли.

Больные звали Лялича Йогом. В первый свой день работы в больнице Лена наткнулась на Лялича в коридоре.

– А я могу яйца со скорлупой есть, – сообщил он.

– Правда?

– Давайте яйцо – покажу.

Любознательная Лена ходила в сестринскую, принесла взятое из дома вареное яйцо. Он его мигом съел вместе со скорлупой.

– Скорлупа – это кальций. Полезно для организма. А сырые я в пищеводе могу давить. Еще яйцо принесете – я фокус покажу: на одном копчике посижу.

Лена ходила за яйцом.

Он закинул ноги за шею, расставил руки в стороны и стал раскачиваться на копчике.

– Надо же! – изумилась она.

– Упражнение из йоги, – пояснил Лялич.

За яйца, булочки или конфеты он мыл за санитарок пол.

На воле у него была семья, дети. Завел он и любовницу, в доме напротив. Однажды она вдруг сказала, чтобы он больше не приходил. Он убил ее. Труп решил спрятать на чердаке. Когда тащил тело вверх по лестнице, его заметили.

В столовой, во время завтрака, Лена поглядывала на Стасова. Ел он очень быстро, почти не прожевывая. Он все делал быстро.

– Зачем так спешишь? – спросил Умаров. – Никто не отнимет.

– Я всегда быстро ем, – пояснил новенький.

Умаров был уйгуром. Тридцати пяти лет, высокий, очень худой, с огромными глазами. Говорил он мало. Никогда не улыбался. Тягостное впечатление производил его жесткий, пронизывающий взгляд исподлобья. Этим взглядом он несколько раз посмотрел на Стасова, словно желая определить его суть. В отделении все больные его слушались. Купленное в магазине они отдавали на хранение ему. Он держал все в шкафчике, запирали его на ключ. Был в этом безусловно честен. В лагере несколько раз пытался бежать. И всякий раз безуспешно. Однажды с напарником сделал в лагере подкоп. Но они неверно рассчитали расстояние. Выбрались на поверхность на самой контрольной полосе. Их увидели, поймали.

Стасов первым закончил есть.

– Добавки? – спросила Лена.

– Да, пожалуйста.

Больные могли получать добавку сколько хотели.

Питание в туберкулезном отделении было очень хорошим. Больные все не съедали, много оставалось. Но старшая медсестра сразу предупредила, что медперсонал еду больных уносить домой не должен. Могут возникнуть претензии с их стороны. Больных обильно поили молоком.

После завтрака нашлось, как всегда, много желающих отнести посуду на кухню. Идти туда надо было через всю территорию. Это была дополнительная прогулка.

– Пусть и Стасов отнесет, – посоветовала Лена. – Пускай осваивается.

Он все еще сидел, ссутулившись, за столом и сосредоточенно смотрел в пустую миску перед собой. Услышав свою фамилию, встрепенулся.

– Что я должен делать?

– Посуду на кухню помочь отнести. Если есть такое желание, конечно.

– Хорошо.

Стасов вскочил, засуетился. Через несколько секунд он держал в одной руке два чайника, а в другой стопку мисок, доходившую ему до подбородка. Это вызвало смех и протестующие возгласы.

– А нам ничего не оставишь? Не будь таким жадным.

– Тебе больше всех надо?

– Вот уж действительно: заставь дурака молиться – он лоб расшибет.

Больные оставили ему только один чайник. Кто-то понес кастрюлю, кто-то крышку от нее, кто-то три миски, кто-то половник.

– Опять лишние увязались, – ворчал санитар. Увидев двухметрового молдаванина Гицеску, несшего в пудовом кулаке четыре ложки, даже крякнул от возмущения. Спросил участливо: – Не надорвешься?

Процессия гуськом двинулась в сторону кухни. Санитар ее сопровождал.

Этот молдаванин тоже лежал в палате №8. Лена его побаивалась. Лица многих больных здесь неоспоримо свидетельствовали о психическом расстройстве. Но у него лицо было страшное, отталкивающее, с постоянной жутковатой ухмылкой. Под ним скрипели, гнулись половицы. На воле он работал в столовой. Там ему понравилась одна раздатчица. Она его ухаживания решительно отвергла. Однажды он встретил ее на улице. Она шла со своим кавалером. Молдаванин ударил его. Понарошку, как он говорил. От этого удара тот умер.

Через полчаса Лена крикнула из процедурного кабинета:

– Лекарства пить!

В коридоре выстроилась очередь. Стоя в дверном проеме, Лена брала с процедурного столика таблетки – от туберкулеза и психотропный препарат аминазин – и давала подходившему больному. Он запивал их молоком. Потом широко открывал рот. К приему таблеток от туберкулеза больные относились с пониманием, как к нужному, полезному делу, аминазин же считали вредным. Шли на всякие уловки, чтобы его не принимать. Самый простой способ был: не глотать пилюлю, а держать ее за щекой и потом выплюнуть. Но сестры проверяли, заставляли открывать рот (тяжелая для Лены обязанность). Поэтому существовал более изощренный способ. Таблетку они проглатывали, а затем в туалете вызывали у себя рвоту. Некоторые даже умели задерживать пилюлю в пищеводе.

Подошла очередь Стасова. Он взволнованно воскликнул:

– Можно, я лишь лекарство от туберкулеза приму? Другие лекарства мне не нужны. Я же вам говорю: я психически здоров.

– Надо принимать все, что предписано, – твердо сказала Лена.

– От аминазина память слабеет, – упорствовал Стасов. – А я пишу роман. Там сотни действующих лиц. Я все это должен помнить.

Много всяких доводов против приема психотропных лекарств приходилось ей выслушивать от больных, но такой она слышала впервые.

– На память аминазин не действует, – заверила Лена.

Рядом с ним стоял Лялич. Он слегка толкнул Стасова локтем в бок:

– Глотай, не бойся. – И многозначительно подмигнул.

– А то укол вколют, – добавил Пал Палыч. Для успокоения делали укол того же аминазина.

Стасов принял лекарства, запил, но рот не разевал. Неожиданно для себя самой Лена постеснялась приказать ему открыть рот.

– Следующий!

– А его почему не проверяете? – прогудел молдаванин.

– Не успел он еще вашим фокусам научиться, – нашлась Лена.

После обеда Стасов принял таблетки без возражений. Наверно, Лялич уже научил его всем хитростям. Превозмогая себя, Лена попросила его открыть рот, и он, тоже превозмогая себя, рот открыл.

Больных повели на послеобеденную прогулку. Гуляли они возле корпуса, в прогулочном дворике – длинной и узкой площадке, огороженной высокой металлической сеткой, с беседкой и скамейками.

– Обрати, Лена, внимание, как Стасов ходит, – заметил Самарин, врач лет сорока пяти, с умным и угрюмым лицом. Они стояли на крыльце. Сегодня от него, как это часто случалось, шел легкий запах перегара. – Пять шагов туда, пять – обратно. Ни больше, ни меньше. – Больные прогуливались по дворику неторопливой, расслабленной походкой, стараясь получить от прогулки побольше удовольствия. Кто-то сидел, развалился. Почти все курили. В палатах курить не разрешалось. Обутов и Ваня Трофимов стояли, с папиросами во рту, и смотрели на небо, на причудливой формы кучевое облако, медленно плывущее на фоне неподвижных перистых облаков. Стасов же, глядя в землю, заложив руки за спину, стремительно шагал взад и вперед возле самой сетки. Он в самом деле делал лишь пять шагов и, словно упершись в невидимую стену, круто разворачивался и шел обратно. – Это, Лена, о чем говорит? Значит, пришлось ему посидеть – и немало – в камере. И в камере маленькой, судя по маршруту.

Возле Обутова остановилось несколько больных. Он что-то говорил своим глухим голосом. Стасов замедлил шаг, потом и вовсе остановился, словно прислушиваясь. Вдруг он повернулся к Обутову и заговорил громко и убежденно:

– А отсутствие свободы слова? Человек приходит в этот мир постигать истину. И он хочет делиться с другими своими поисками и открытиями. Это его святое право. Почему это запрещено? Почему, например, я не могу открыто сказать, в чем, на мой взгляд, учение Лассала вернее учения Маркса?

– Свобода слова у нас есть, – сказал с желчной усмешкой Петр Кириллович, обращаясь к Лене. – Но лишь в одном месте – в психбольнице.

Обутов стал отвечать Стасову. Они его не могли расслышать.

– Суть вопроса не в том, что лучше – капитализм или социализм, а в том, – почти закричал Стасов, – что сам народ должен выбирать систему! Разные партии – капиталистические, социалистические, коммунистические – должны на равных условиях бороться за голоса избирателей. Если при таких условиях большинство выберет коммунистов – что ж, я готов буду признать такой выбор.

Самарин согласно кивал головой.

Прогулка закончилась.

В сестринской Лена стала смотреть записи в журнале наблюдения. «Войцеховский усиленно кашляет, – записала Ксюша. – У Стасова неровное поведение. То очень нервный, возбужденный, ходит туда-сюда, то задумчивый, неподвижный. Сидоров и Арончиков опять подрались». Она прислушалась: кто-то ходил в коридоре. Она открыла дверь. И замерла. По коридору метался Стасов. Пять шагов в одну сторону, пять в другую. Иногда он размахивал руками, иногда что-то шептал. Глаза его горели. Вдруг он заметил Лену и остановился. Видимо, он сразу догадался по ее лицу, какое впечатление произвело его поведение. Стасов подскочил к ней.

– Я сочиняю. Я уже говорил, что пишу роман. Знаю, что вы должны отмечать в журнале странности в поведении пациентов. Пожалуйста, ничего не пишите. А то назначат мне успокоительные уколы. Они для здоровых людей вредны. А я здоровый человек. – Он говорил взволнованно и торопливо. – Тут ничего странного нет. Когда я творю, я переношусь в другой мир. Я вживаюсь в образы своих героев. Я возбужден в такое время: без возбуждения творчество невозможно. Точно так ходили, сочиняя, Пушкин, Достоевский... Это естественно для творческих людей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.